

РАССМОТРЕНИЕ РОЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА И РИТОРИКИ В КОНТЕКСТЕ ОБСУЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ Т. ДОЧЕРТИ)

Рецензия на книгу: Docherty T. (2019) *Political English: Language and the Decay of Politics*. London; New York: Bloomsbury, 237 p.

Елизавета ДЕГТЯРЕВА
МГИМО МИД России

Аннотация: Оценка политической эффективности считается одной из самых непростых тем в социально-политических науках. В то время как традиционные показатели политической эффективности включают в себя распространенное число показателей (от анализа экономического состояния стран и их военного потенциала до изучения показателей мягкой силы), в данной статье предлагается рассмотреть в качестве альтернативного показателя оценки политической эффективности риторику. Опираясь на данные из работ лингвистической и когнитивной наук, автор статьи утверждает, что риторика тоже играет существенную роль в достижении политических целей. В доказательство данной гипотезы в статье анализируется относительно новая работа Т. Дочерти «*Political English: Language and the Decay of Politics*» на предмет свежих идей относительно влияния риторики на политическую эффективность. Кроме того, в статье упоминаются и принципы риторики, уже ставшие фундаментальными, и инструменты влияния языка на политическую эффективность. Подчеркивая важность риторики как показателя политической эффективности, эта статья вносит вклад в более глубокое понимание когнитивных и коммуникативных аспектов политического влияния.

Ключевые слова: политическая риторика, политический язык, когнитивная наука, политическая эффективность, коммуникация

Елизавета Борисовна Дегтярева – аспирант кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-7163-6941. E-mail: golden_miller@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 14.02.2024

Принята к публикации: 29.03.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья опубликована в рамках гранта МОН РФ-ЭИСИ №123091200075-2 «Современное государство в терминах сила и слабости: политические, социологические, исторические измерения в эмпирическом ракурсе».

На протяжении последних десятилетий проблематика показателей политической эффективности вызывает неподдельный интерес у зарубежных (Craig and Maggioletto, 1982: 85–109; Balch and Burke, Cook, Graber et al., 2016) и отечественных (Ватыль, Ватыль, 2016; Затонский, 2006; Черемисина, 2019: 95–108; Ширяев, 2014: 91–109 и др.) авторов. Предпринимаются попытки делать выводы об эффективности государственной политики по разным критериям – от анализа экономического состояния стран и их военного потенциала до изучения показателей мягкой силы – которые, несомненно, являются значимыми при заключении всесторонних выводов. Однако реже встречаются попытки включить в число показателей эффективной политики осуществляемую политическую риторику, несмотря на то, что речь, профессионально используемая политическими лидерами, не только формирует политический дискурс (рассматриваемый в данной статье в рамках когнитивного подхода (Шапочкин, 2018), но и оказывает существенное воздействие на восприятие обществом политической реальности. И хотя основное место в оценке политической эффективности занимают комплексные метрики мощи государства, сегодня, с появлением новых подходов¹ к изучению языковых структур, нельзя проходить мимо социально-культурных феноменов, в особенности – языка. Данная статья посвящена исследованию роли политической риторики и языка с точки зрения политической эффективности.

Взаимосвязь между политической риторикой и формированием эффективной государственной политики является предметом исследований ученых в рамках таких дисциплин, как политология (ван Дейк, 2013; Гуторов, 2016: 4–28), лингвистика (McEnergy, 2006; Карасик, 2009), социология (Авеличев, 1986: 5–23; Баранов, 1986: 100–143; Безменова, 1989; Кашей, 2005). Многие из этих исследователей рассматривают политическую риторику как коммуникативное связующее звено между лидерами и общественностью, с помощью которого не только выстраивается диалог, но и устанавливается повестка дня, а также формируется нужное политикам восприятие окружающей политической реальности у граждан. Лидеры и политические деятели создают своеобразную концептуальную платформу благодаря таким инструментам политического дискурса, как политическая речь, политическая клятва, пресс-конференции, ответы на вопросы журналистов, переговоры, дебаты и пр., чтобы материализовать, символизировать, вербализировать и семантизировать ключевые политические идеи (Ли, 2022: 131–136). Это способствует созданию необходимого социально-политического фона, формированию политической и культурной идентичности, расположению граждан к себе, а также повышению привлекательности самого государства. По сути, речь идет о лингвистическом фрейминге, который представляет собой стратегическое представление проблем и событий для формирования должного общественного восприятия. Теория

¹ Например, когнитивный подход к изучению языка, используемый в рамках данной статьи.

фрейминга предполагает, что способ формулирования проблемы может существенно повлиять на то, как она понимается и оценивается общественностью (Tversky and Kahneman, 1981: 453–458). Политические деятели нередко используют данную стратегию, чтобы выделить определенные аспекты проблемы и сфокусировать на них внимание общества, преуменьшая при этом остальные, что впоследствии будет влиять на интерпретацию общественностью политических событий. Подобные идеи понимания политического языка и риторики в целом отделились в так называемый **КОГНИТИВНЫЙ** подход в лингвистике (или когнитивной лингвистике), общая суть которого заключается в изучении процессов порождения и восприятия (понимания) речи (Шапочкин, 2018: 15). Когнитивная лингвистика исследует, как язык влияет на формирование мыслительных процессов человека, в том числе на его память, внимание и последующие рассуждения. Она также дает представление о том, как речь обрабатывается, интерпретируется и понимается человеческим разумом. На установки, убеждения и поведение индивидов влияют, например, когнитивные фреймы и метафоры, которые формируют понимание индивидами политических проблем и событий, а также различные когнитивные предубеждения, такие как «предвзятость подтверждения» и «эвристическая доступность», влияющие на то, как информация воспринимается, оценивается и запоминается в политическом дискурсе (Tversky and Kahneman, 1974: 1124–1131). Понимая когнитивные механизмы, лежащие в основе обработки языка, политические деятели могут создавать более эффективные сообщения и стратегии для привлечения и убеждения своей аудитории.

Уже классическими работами по заданной теме стали труды, способствующие развитию отдельных направлений когнитивной лингвистики, а именно:

- работы Дж. Лакоффа, создавшего когнитивную теорию метафоры в интерпретации. Так, например, в его работах подчеркивается когнитивная составляющая языка, влияющая на формирование общественного мнения и политических предпочтений. Особое внимание он уделяет концепции фреймов, которые представляют собой ментальные структуры, формирующие то, как люди понимают и интерпретируют информацию. В этой связи одним из ключевых открытий Лакоффа является то, что язык – это не просто инструмент для передачи информации, а значимая сила, помогающая воздействовать на формы восприятия и понимания людьми политических проблем посредством активации у них правильных фреймов и метафор, которые резонируют с их ценностями. Поэтому политические лидеры, владеющие силой фрейминга, способны с наибольшим успехом влиять на результаты политики. Политическая риторика активирует определенные фреймы, которые способствуют рассмотрению людьми политических или иных социальных проблем определенным образом. Например, формулирование экономической политики как «налогового послабления» или «налогового бремени» активирует различные фреймы и вызывает различные когнитивные реакции. Точка зрения Дж. Лакоффа заставляет политиков обращать внимание на эмоциональные

и морально-ценностные окрасы их речей. В результате подчеркивается сложная взаимосвязь между языком, когнитивными структурами людей, их ценностями и эффективностью политики (Lakoff, 1987; Lakoff, 1982).

- труды Т.А. ван Дейка, предложившего использовать когнитивный подход к анализу дискурса. Так, например, им были предприняты попытки изучения влияния убеждений и установок индивидов на их интерпретацию политического дискурса. Ван Дейк считал, что такие когнитивные процессы в сознании индивида, как категоризация, определение и логический вывод, способствуют конструированию индивидом социального смысла в дискурсе. По результатам его исследований индивиды делят свои знания условными ментальными рамками, организуя из них социальные схемы. Именно эти социальные схемы, представляющие преимущественно в виде стереотипов, идеологических убеждений и отношений по поводу власти, формируют интерпретацию и понимание дискурса. Более того, эти схемы влияют на отбор индивидом поступающей в его сознание информации и последующее конструирование смысла в политическом дискурсе. Хотя дискурсивный анализ Т.А. ван Дейка явно не обозначен как «когнитивный подход», он однозначно основан на когнитивных принципах (Dijk, 1998).

- исследования Р. Лангакера, занимавшегося разработкой когнитивной грамматики (Langacker, 1987). Когнитивная грамматика представляет собой новый подход к пониманию языка на основе когнитивного принципа. Ключевым пунктом в когнитивной грамматике является идея о том, что язык индивида основан на его телесном опыте и взаимодействиях с миром. Р. Лангакер утверждает, что лингвистическая структура отражает наши когнитивные способности, механизмы восприятия и моторные навыки. Эта точка зрения рассматривает язык как феномен, сформированный нашим сенсорно-моторным опытом и основанный на наших телесных взаимодействиях с окружающей средой. По факту когнитивная грамматика Р. Лангакера воплощает в себе «субъективистский» взгляд на понимание речевых оборотов и структур. В то время как «объективистский» подход предполагает, что «значение выражения приравнивается к набору условий, при которых оно истинно», «субъективистский» проводит параллель между значением и «концептуализацией или ментальным опытом» (Елина, 2010).

Как видно из приведенных выше фундаментальных трудов исследователей, уже ставшими классиками в сфере изучения дискурсов и риторики, язык играет практически стержневую роль в социальной среде, и эта роль постоянно усиливается. Однако не менее основополагающую роль лингвистические структуры играют и в среде политической, где язык является необходимым инструментом, формирующим саму политическую действительность, способствующим формированию социальных и политических идеалов, норм и ценностей, политических убеждений граждан. Политика, в свою очередь, является важным фактором развития языка и языковых отношений. Именно поэтому сегодня тематика развития политической риторики и языка остается в орбите внимания современных авторов.

В продолжение данной темы стоит обратиться к относительно новой работе Т. Дочерти *“Political English: Language and the Decay of Politics”* (Docherty, 2019), которая посвящена значимости политической риторики в выстраивании эффективной государственной политики и влиянию языка на формирование государственного устройства. В книге представлено кейс-стади исследование, посвященное политической риторике на примере английского языка как мирового. По мнению автора, язык и политика тесно переплетаются, поэтому важно рассмотреть их структурные связи, а также понять, ведет ли деградация в использовании представителями элиты языка к разложению политической системы и слабости государства. Так, Т. Дочерти рассматривал речь как акт коммуникации, влияющий на мировоззрение и политико-культурный фон индивидов, но не абстрактно, а в контексте существующих политических режимов. На примерах речей Б. Обамы, Дж. Буша младшего, Д. Трампа и других политиков автор проводит параллель между отличиями в проводимой вышеупомянутыми лицами политике и отличиями в их лингвистических паттернах, доказывая тем самым идею о взаимосвязи риторики и политической эффективности.

Значительную часть книги занимает исследование сути концепции «родного» языка, в котором автор не соглашается с общепринятым разделением языка на иностранный и родной, поскольку язык как живая структура не является врожденным: его приходится осваивать в той же мере, как и иностранный, а его задачей является формирование общей идентичности индивидов, им владеющими. Более того, родным языком можно владеть по-разному, в зависимости от требуемых социальных ролей, формируя тем самым разные формы идентичности и занимая разное социальное и классовое положение в обществе. По убеждениям автора, родной язык всегда формируется за счет некоего отчуждения и влияния на него языка иностранного. Однако автор описывает и существование альтернативного мнения, утверждающего, что владение родным языком присуще индивидам от рождения и напрямую зависит от когнитивных навыков человека. Более того, согласно этому мнению, от когнитивных способностей также зависит и уровень благосостояния и успешности индивида в дальнейшем. На примерах речей разных лидеров (В. Путина, Д. Трампа и Т. Мэй) автор раскрывает идею придания языку необходимого смысла в политике: по его мнению, тот, кто контролирует значения слов, контролирует не только язык, но и носителей этого языка, их возможности и ценности, формируя через заданный политический дискурс требуемый социально-политический фон. Поэтому каждый язык (даже родной) всегда является иностранным по своей сути, поскольку вводит те идеи и смыслы, с которыми люди ранее не были знакомы.

Еще одной важной темой, поднимаемой в данной работе, является анализ формирования нужного имиджа политической действительности государства с помощью языка. На примере истории английского языка и его связи с империалистической политикой автор рассуждает на тему «лингвистического империализма» или «фундаментального английского»:

на протяжении определенных периодов истории факт владения английским языком демонстрировал официальное политическое превосходство, а факт принадлежности к британскому обществу ассоциировался с эффективными управленческими навыками. В данном примере автор видит прямую связь между английским языком и фундаментальными этическими, социальными и политическими ценностями британского общества. Такая связь наталкивает автора на мысли о возможности построить с помощью языка общество любого социального и культурного класса, что говорит о невероятной силе политической риторики в формировании требуемого образа политико-социальной реальности. Согласно этой мысли, класс – это вопрос уровня владения языком, а физические манипуляции с языком могут привести к социальным изменениям. Манера речи в данном случае определяет политический статус, и, следовательно, меняя манеру речи, можно изменить свое политическое и социальное классовое положение.

Особенное место в работе автора занимает рассмотрение концепций правды и лжи в контексте разных политических режимов. Авторитарные и тоталитарные режимы часто оперируют концепцией лжи, но не потому, что они изначально склонны к неправде, а потому, что они догматичны и закостенели по своей сути: политикам-фундаменталистам свойственно не менять своих выводов даже при появлении новой информации, а сам политик, соответственно, при изменении внешних условий переходит к распространению прямой «лжи» (той информации, которая уже не актуальна). Что касается демократических форм правления, то их задача – в процессе дискуссии разрушить устоявшиеся в сознании человека рамки понимания окружающей действительности, формируя новую призму восприятия. Однако это не значит, что в демократиях не существует концепции лжи: здесь она существует в логике Ф.Ницше, когда общество добровольно соглашается придерживаться единой позиции по какому-либо вопросу вне зависимости от её истинности. Из этого следует, что в политике существует необходимый термин-посредник между правдой и ложью, и этим термином является «вымысел» (или «политическая гипотеза»). Таким образом, заявления, сделанные в рамках демократического дискурса, не являются ни правдой, ни ложью. Автор доказывает эту мысль через рассмотрение теории когерентности истины и теории соответствия истины, утверждая, что на самом деле в обычном политическом дискурсе теории соответствия и когерентности не отличаются друг от друга, а политические процессы зависят от того, насколько незаметно лавировать между ними. Это подтверждает идею, что контроль над языком может привести к контролю над материальной реальностью в политическом смысле: управляя дискурсами, описывающими мир, можно устанавливать истину для абсолютного большинства народа, задавая требуемый социально-политический фон и способствуя развитию государства в требуемом ключе. В этом, по мнению автора, заключается специфическая функция демократии, основанная на мажоритарном правлении.

В вопросах о концепции лжи автор рассматривает соотношения слов и реальных дел в политике, а также способов, с помощью которых фиктивное описание реальности превращается в политическую реальность. На примере твитов Д. Трампа о мистификации глобального потепления и забастовки шахтеров в Британии 1984 г. автор выводит в качестве первого доказательства метод повторного утверждения, который позволяет создавать идеологическую речь. Ее цель – остановить критическое (или вообще любое) мышление за счет создания иллюзии определённого общественного мнения. Это развязывает руки радикальным политическим течениям – расизму, национализму, шовинизму и другим, как это было после произнесенной в 1968 г. речи Дж. Э. Пауэлла об иммиграции или после британской кампании по выходу из ЕС. На основе серии лекций «Слова и дела» (1952–1954 гг.) автор говорит о другом методе, в котором слова фактически являются поступками (перформативный речевой акт). Речь в данном случае является не просто описанием того, что делает говорящий, а представляет собой само фактическое действие. Поэтому задача политической риторики заключается в осуществлении перехода между одобрением, с одной стороны, и осуществлением власти, с другой стороны, то есть в установлении неразрывной связи между словом и делом. Говоря в терминах классики, Эргон (действие) всегда должен оставаться подчиненным Логосу (логике), который запечатлен в словах и аргументах.

Таким образом, в своей работе Т. Дочерти тоже отдает решающую роль в политике языку и политической риторике, поскольку именно с помощью грамотного использования политического языка можно в нужном ключе сформировать то, как общество будет воспринимать социально-политические проблемы, формировать мнения о политических ситуациях и фигурах, а также участвовать в политических действиях. Фактически основные способы влияния языка на политические процессы, предложенные Т. Дочерти в его работе, можно описать следующим образом:

- *Возможность формировать социально-политическую повестку для общественности:* при помощи использования языковых шаблонов политические фигуры и средства массовой информации формируют требуемый им социально-политический фон, выделяя определенные вопросы в качестве важных через заданную формулировку. Именно у политиков и СМИ есть право на контроль за повествованием о важных событиях, что позволяет им направлять внимание общественности в нужное русло (на определённые узкие или широкие темы), тем самым создавая общественный дискурс и даже стратегические приоритеты политики.
- *Способность убеждать:* точное использование политического языка позволяет убеждать людей поддержать определенный политический курс, кандидатов или идеологическую направленность. Политики и политические партии имеют возможность умело и грамотно использовать

язык, затрагивая эмоции, ценности и интересы общественности или избирателей, стремясь заручиться их поддержкой. Такие фундаментальные возможности, которые дарит искусное использование политического языка, приводят к отведению решающей роли в политических процессах тому, кто способен отслеживать или даже контролировать значения слов, поскольку таким образом можно влиять на носителей этого языка и их ценности, формируя через заданный политический дискурс требуемый социально-политический фон.

- *Возможность создавать требуемый имидж целого государства:* когда в сознании индивидов формируется крепкая связь между государственным языком и закладываемыми в него фундаментальными этическими, социальными и политическими ценностями всего общества отдельного взятого государства, то происходит невербальная и неосознаваемая ассоциация этого государства с заданным образом (как в примере с английским языком и статусом британского общества). В данном случае можно даже утверждать о возможности формировать политическую или социальную идентичность с помощью языка, поскольку часто политический дискурс укрепляет групповую сопричастность и воспитывает чувство принадлежности у сторонников этой группы. Это говорит о внушительной силе политической риторики в формировании требуемого образа политико-социальной реальности.
- *Возможность манипулировать общественным сознанием:* речь в данном случае не идет о примитивном искажении фактов или введении общественности в заблуждение. Речь идет об искусном оперировании концепциями правды и лжи, а также о способах, с помощью которых фиктивное описание реальности превращается в политическую реальность (с помощью методов повторного утверждения или перформативного речевого акта).

Можно утверждать, язык действительно является мощным инструментом в политике, формирующим восприятие индивидов, влияющим на их поведение и, в конечном счете, определяющим направление политических изменений. Однако стоит признать, что включение политического языка в единый метрический ряд с традиционными показателями политической эффективности пока еще требует технических и методологических доработок, учитывающих сложность риторических стратегий и, что самое важное, их когнитивные эффекты. Тем не менее, уже сегодня качественный анализ политических речей и дискурсов позволяет получить представление о различных риторических приемах, способствуя пониманию того, как формируется политическая коммуникация. Экспериментальные исследования (Tversky and Kahneman, 1974: 1124–1131) позволяют ученым управлять языковыми структурами и переменными, чтобы измерять их влияние на когнитивные процессы индивидов, их установки и поведение, в результате предоставляя причинно-следственные доказательства влияния риторики на политическую эффективность, в то время как

методы компьютерного анализа текста позволяют исследователям анализировать массивные объемы данных из политических речей с целью выявления риторических стратегий в различных контекстах.

Таким образом, можно сделать вывод, что роль политической риторики при оценках политической эффективности является значимой, поскольку риторика не только формирует общественный дискурс, но и фундаментально влияет на процесс формирования повестки дня, общественное мнение и, в конечном счете, на политические решения, принимаемые правительством. Необходимо при этом помнить, что использование языка с целью повышения эффективности государственного управления часто взаимосвязано с более широкими концепциями организационной коммуникации, лидерства и вовлечения заинтересованных сторон. Хотя в коммуникационных концепциях пока не предлагаются конкретные предложения по повышению политической эффективности только с помощью языка, работы на эту тему способствуют пониманию того, как коммуникационные стратегии в целом могут влиять на эффективность политики государства.

Список литературы

1. Balch G.I., Burke P., Cook T., Graber D.A. et al. (2016) *Multiple Indicators in Survey Research: The Concept «Sense of Political Efficacy»*.
2. Craig S., Maggiotto M. (1982) *Measuring Political Efficacy. Political Methodology*. 8: 85-109
3. Dijk T. A. van (ed.). (1998) *What is political discourse analysis? Political linguistics*. Amsterdam.
4. Docherty T. (2019) *Political English: Language and the Decay of Politics*. London; New York: Bloomsbury, 237 p.
5. Lakoff G. (1982) *Categories and cognitive models*. Berkeley cognitive science report. Berkeley.
6. Lakoff G. (1987) *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago.
7. Langacker R.W. (1987) *Foundation of cognitive grammar*. Vol. 1. Theoretical prerequisites. Stanford.
8. McEnery T., Xiao R., and Tono Y. (2006) *Corpus-based language studies: An advanced resource book*. Taylor & Francis.
9. Tversky A.; Kahneman D. (1974) Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases/. *Science*. 185 (4157): 1124–1131.
10. Tversky A.; Kahneman D. (1981) The Framing of decisions and the psychology of choice. *Science*. 211 (4481): 453–458.
11. Авеличев А.К. (1986) *Возвращение риторики в Дюбуа Ж. Эделин Ф. Клинкаберг Ж. -М. и др. (пер.) Общая риторика*. М.: Наука: 5–23.
12. Баранов А.Н., Паршин П.Б. (1986) *Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание в Роль языка в средствах массовой коммуникации*. М.: ИНИОН: 100–143.
13. Безменова Н.А. (1989) Теория и практика риторики массовой коммуникации. *Научно-аналитический обзор АН СССР ИНИОН*. М.: ИНИОН: 39.
14. Ван Дейк Т.А. (пер.) (2013) *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
15. Ватыль В.Н., Ватыль Н.В. (2016) *Сильное и эффективное государство: историко-персоналогический дискурс*. Гродно: ЮрСаПринт.

16. Гуторов В.А. (2016) О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России. *ПОЛИТЭКС*. 2016. 1: 4–28.
17. Елина Е.Н. (2010) Когнитивные теории значения: когнитивная грамматика Р. Лангакера. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2: 225–230.
18. Затонский В.А. (ред) (2006) *Эффективная государственность*. М.: Юристъ: 286 с.
19. Карасик В. И. (2009) *Языковые ключи*. Москва: Гнозис: 406.
20. Кашей Н. А. (2005) *Риторика и политика в современном обществе*. В. Новгород: НовГУ: 136.
21. Ли Минхуэй, Лю Хун (2022) Политические концепты как дискурсивный инструмент непрямого формирования глобального и регионального лидерства (по материалам выступлений президента РФ Владимира Путина на заседании Совета глав государств – членов ШОС). *Политическая лингвистика*. 4 (94): 131–136.
22. Черемисина С.Г., Срибный В.И. (2019) Совершенствование инструментария оценки эффективности социально-экономической политики государства. *Сервис в России и за рубежом*. 2 (84): 95–108
23. Шапочкин Д.В. (2018) *Политический дискурс: когнитивный аспект: монография*. 2-е изд. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета: 292 с.
24. Ширяев И.М. (2014) Типологизация подходов к определению эффективности экономических институтов. *Журнал институциональных исследований*. 6 (2): 91–109.

Comparative Politics. Volume 14. No. 3. July–September / 2023
DOI 10.46272/2221-3279-2023-3-14-154-165

EXAMINING THE ROLE OF POLITICAL LANGUAGE AND RHETORIC IN THE CONTEXT OF THE DEBATE ON POLITICAL EFFICACY

Book review: Docherty T. (2019) Political English: Language and the Decay of Politics. London; New York: Bloomsbury, 237 p.

Elizaveta B. Degtyareva – PhD Student, Department of Comparative Politics, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-7163-6941. E-mail: golden_miller@mail.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Acknowledgments. The article was published under the grant of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation–EISR (Expert Institute for Social Research) №123091200075–2 «Modern state in terms of strength and weakness: political, sociological, historical dimensions in empirical perspective».

Received February 14, 2024 Accepted March 29, 2023

Abstract: Assessing political efficacy is considered one of the most challenging topics in the social and political sciences. While traditional measures of political efficacy include a common number of indicators ranging from analyzing the economic state of countries and their military capabilities to examining soft power indicators, this article proposes to consider rhetoric as an alternative measure of political efficacy. Drawing on evidence from linguistic and cognitive sciences, the author argues that rhetoric also plays a significant role in achieving political goals. To prove this hypothesis, the article analyzes T. Docherty's recent work *«Political English: Language and the Decay of Politics»* for fresh ideas about the influence of rhetoric on political efficacy. In addition, the author mentions the principles of rhetoric, which have already become fundamental, as well as the tools of language influence on political efficacy. By emphasizing the importance of rhetoric as an indicator of political efficacy, this article contributes to a deeper understanding of the cognitive and communicative aspects of political influence.

Keywords: political rhetoric, political language, cognitive science, political efficacy, communication

References:

1. Avelichev A.K. (1986) *Vozvrashchenie ritoriki* [The Return of Rhetoric] in Dubois J. Edeline F. Klinkenberg J.-M. et al. et al. (tr.) *Obshchaya ritorika* [Common Rhetoric]. M.: Nauka: 5-23. (In Russian).
2. Balch G.I., Burke P., Cook T., Graber D.A. et al. (2016) *Multiple Indicators in Survey Research: The Concept «Sense of Political Efficacy»*.
3. Baranov A.N., Parshin P.B. (1986) *Yazykovye mekhanizmy variativnoj interpretacii dejstvitel'nosti kak sredstvo vozdeystviya na soznanie* [Linguistic Mechanisms of Variant Interpretation of Reality as a Means of Influencing Consciousness] in *Rol' yazyka v sredstvakh massovoj kommunikacii* [The Role of Language in Mass Communication]. M.: INION: 100-143. (In Russian).
4. Bezmenova N.A. (1989) *Teoriya i praktika ritoriki massovoj kommunikacii* [Theory and practice of mass communication rhetoric]. *Nauchno-analiticheskij obzor AN SSSR INION* [Scientific and Analytical Review of the USSR Academy of Sciences INION]. M.: INION: 39. (In Russian).
5. Cheremisina S.G., Sribnuj V.I. (2019) *Sovershenstvovanie instrumentariya ocenki effektivnosti social'no-ekonomicheskaj politiki gosudarstva* [Improving the Assessment Tools for the Effectiveness of State Social and Economic Policy]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Services in Russia and Abroad]. 2 (84): 95-108 (In Russian).
6. Craig S., Maggiotto M. (1982) *Measuring Political Efficacy. Political Methodology*. 8: 85-109
7. Dijk T. A. van (ed.). (1998) *What is political discourse analysis?* Political linguistics. Amsterdam.
8. Docherty T. (2019) *Political English: Language and the Decay of Politics*. London; New York: Bloomsbury, 237 p.
9. Gutorov V.A. (2016) *O nekotoryh aspektah formirovaniya politiko-filosofskogo diskursa v sovremennoj Rossii* [On Some Aspects of the Formation of Political-Philosophical Discourse in Modern Russia]. *POLITEKS*. 2016. 1: 4-28. (In Russian).
10. Karasik V. I. (2009) *Yazykovye klyuchi* [Linguistic keys]. Moskva: Gnozis: 406. (In Russian).
11. Kaschey N. A. (2005) *Ritorika i politika v sovremennom obshchestve* [Rhetoric and Politics in Modern Society]. V. Novgorod: NovGU: 136. (In Russian).
12. Lakoff G. (1982) *Categories and cognitive models*. Berkeley cognitive science report. Berkeley.
13. Lakoff G. (1987) *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago.

14. Langacker R.W. (1987) *Foundation of cognitive grammar*. Vol. 1. Theoretical prerequisites. Stanford.
15. Li Minghui, Liu Hong (2022) *Politicheskie koncepty kak diskursivnyj instrument nepryamogo formirovaniya global'nogo i regional'nogo liderstva (po materialam vystuplenij prezidenta RF Vladimira Putina na zasedanii Soveta glav gosudarstv – chlenov SHOS)* [Political Concepts as an Important Discursive Instrument for the Indirect Formation of Global and Regional Leadership (On the Material of the Speeches of the President of the Russian Federation Vladimir Putin at the Meeting of the Council of Heads of the SCO Member States)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. 4 (94): 131–136. (In Russian).
16. McEnery T., Xiao R., and Tono Y. (2006) *Corpus-based language studies: An advanced resource book*. Taylor & Francis.
17. Shapochkin D.V. (2018) *Politicheskij diskurs: kognitivnyj aspekt: monografiya. 2-e izd.* [Political discourse: cognitive aspect: a monograph. 2nd ed.] Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii, Tyumenskij gosudarstvennyj universitet, Institut social'no-gumanitarnyh nauk. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta: 292 s. (In Russian).
18. Shiriaev I.M. (2014) *Tipologizaciya podhodov k opredeleniyu effektivnosti ekonomicheskikh institutov* [Typologization of Approaches to Identifying the Efficiency of Economic Institutions]. *ZHurnal institucional'nyh issledovanij* [Journal of Institutional Studies]. 6 (2): 91–109. (In Russian).
19. Tversky A., Kahneman D. (1974) Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases/. *Science*. 185 (4157): 1124–1131.
20. Tversky A., Kahneman D. (1981) The Framing of decisions and the psychology of choice. *Science*. 211 (4481): 453–458.
21. Van Dejk T.A. (tr.) (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM». (In Russian).
22. Vatyl V.N., Vatyl N.V. (2016) *Silhoe i effektivnoe gosudarstvo: istoriko-personologicheskij diskurs* [Strong and Effective State: Historical and Personological Discourse]. Grodno: YUrSaPrint. (In Russian).
23. Yelina E.N. (2010) *Kognitivnye teorii znacheniya: kognitivnaya grammatika R. Langakera* [Cognitive Theories of Meaning: R. Langacker's Cognitive Grammar]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* [The bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev]. 2: 225–230. (In Russian).
24. Zatonsky V.A. (ed.) (2006) *Effektivnaya gosudarstvennost* [Efficient Statehood]. M.: YUrist: 286 p. (In Russian).